

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Юлиу Эдлис

Похвальное слово... мату

Не столь давно я вычитал в одном столичном журнале весьма нетривиальную мысль некоего поэта санкт-петербургской школы: мол, с древнейших времен и по сей день русский язык был велич и могуч, но — несвободен.

Но, что велич и могуч — в доказательствах не нуждается: и страна необщительна, и говорящий на нем народ неинтеллигентен, и армия, гвардия, все еще непобедима, да и по-русски не одна преотличная книга написана. Но отчего же — несвободен?

Ответ североамериканского пингта так же недумаем и прям, как и сама постановка вопроса: а потому несвободен, что до сей поры богатейший национальный материальный и духовный наследие у нас было не в чести, как бы заточан в тень в то время собственно литературы, никак не адекватного его всесоциальному звучанию, устному распространению. И поскольку никто — в том числе и родная словесность — не может быть свободно частично, но лишь полностью, целиком, купно, то, стало быть, и усеченный в смысле словесного запаса, мало не золотого фонда, язык тоже никак не может почтиться истинно свободным.

Что ж, возрадуемся: выше мы и впрямь являемся частичными свидетелями полного и окончательного обновления прежде несвободного, хоть и великого и могучего, русского языка.

Со страниц не одной только грубой прозы, но и изысканнейшей поэзии, с акрана и со сценами разве что ленин не матерится: загибли в три колена герои поэм и героя отрицательные, демократы и члены Фронта национального спасения, ныне демоны и не достичие полной зрелости отроки, бывшие члены КПСС и недавние диссиденты. И никаких Хасбулатов не под силу обудить и стремонить эту козоворобскую свободу слова.

Одно лишь — не угрек, нет, не замечалось, а всего лишь заблуждение: материться то публично героя нашего времени как-то с оглядкой, как-то несмел, недостаточно настурально, с пуготкой не на дерзость, а на всплеск. И уж очень это напоминает то малопотешное зрелище, когда собака смущенно поднимает у деревя заднюю ногу, дабы таким простейшим образом увековечить свое несожженное присутствие в нашем лучшем из миров. Матерится не потому, что это позор несвободы, а потому, что это позор несвободы, и это позор несвободы, и это позор несвободы.

Одним словом, было уже решительно встало неизбежно антиматеринскую позицию — даже с риском быть обзывающим старым брюзгой, отъявленным ретроградом, человеком вчерашнего для и замашевым виновом или даже, упаси Господь, быть привлеченным однофамильцем великого Ерофеева им же (не без ложности, признаюсь, но и столь же лишенным какого бы то было смысла) изобретенным термином — «гиперромантизм»: получается дело, можно быть недо- или переромантизмом, а отсюда один лишь шаг до, скажем, гипотетического душевнога частичной или избыточной бременности.

Но вот слепой судьи угодно было, чтобы, и попал на спектакль некоего «Независимого проекта», осуществлявшего постановку пьесы моего бывшего ученика, ныне вполне благополучно здравствующего по семейным обстоятельствам в Париже Михаила Волкова — «Игра в жижики» (изложите будь сказано, отличие и с поразительным, как это я прошу, пародийностью, так как поставлено Андреем Житинским из Театра кукол Москвы, и самоизвержение сыграли Сергеем Чонининым и Андреем Соколовым — оба из «Ленкома») мат — это не шпионящая приянья гнилью в нос проправа, не агрессивный и тщеславный вздох, не жажды потрясти моде, а сам материал, естественный и узкий, органичный не только для пьесы, но и для самой нашей сегодняшней повседневности.

Через минуту-другую после начала спектакля перестала слышать матерную речь, вернее, перестала воспроизводить ее как нечто чужое и враждебное театру, погрузившись вместе с героями пьесы на такое лицо, на такую глубину человеческого несчастья и страдания, что, кновы испытывая на поверхность, мат уже кажется просто признаком чего-то вроде несвойской болезни всего общества.

Тут он — художественная среда, художественное средство, и я смеялся вместе с персонажами, пронзил слезы на трагически-бездысходной их — и наш общий — судьбою. То было настояще, честное, без кутища в кармане искусство — и плевать мне было на то, что большая толика пронзносимых со сцены слов были матерными.

Сходите и вы на спектакль, мой единомышленник «гиперромантизм», и нос и носу столкнетесь с еще одним вопросом без ответа: материться или не материться? Пирожки, сегодня, помалу, для всех нас наступают другой, давний и столь же безответный — и не к одному только искусству обращенный: «быть или не быть?»

Ю. Эдлис

На проходит и дня, чтобы мы не читали в газетах, не слышали в радио- и телевизионных передачах стоянки о конце демократии в России. Особенно настоячиво звучали подобные уверждения во время драматических событий VII Съезда народных депутатов Российской Федерации, вынесшего предложение президента Гайдара и заменившего глаzu президента.

Несколько серьезны и обоснованы эти страхи! Каков же в действительном смысле приближающегося референдума в рамках нашей единственной приватности демократии и постепенного утверждения интеллигентами земли, для которых интеллигенты здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Российская интеллигенция с тех пор, как она заявила о себе и стала представлять серию общественную силу, выделила себя, свою роль в общес-

тве вперед и надежду именно в этом вопросе. Мало того, по-жалуй, нет в мире другой интеллигентии, помимо российской, которая бы так много и так долго страдала от отсутствия конституционно-правового обеспечения демократии. Речь идет, впрочем, не о царизме: этой самодержавной деспотической власти презирал закон, а когда они были, попирали права. Но, несомненно, исторический урок был преподан российской интеллигентии большевизмом. Революционная социосообразность обернулась узурпацией власти новоманитаристской дипломатии, причем как в смысле национальной традиции, так и исторического опыта.

Однако вернемся к нашим сдвигшимся проблемам.

Прежде всего решим, чому мы будем отдавать предпочтение в демократии: власти народа, т. е. большинства, или необходимым для осуществления демократии конституционно-правовым нормам? Думай, что для российской интеллигентии здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Несколько серьезны и обоснованы эти страхи! Каков же в действительном смысле приближающегося референдума в рамках нашей единственной приватности демократии и постепенного утверждения интеллигентами земли, для которых интеллигенты здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Российская интеллигенция с тех пор, как она заявила о себе и стала представлять серию общественную силу, выделила себя, свою роль в общес-

тве вперед и надежду именно в этом вопросе. Мало того, по-жалуй, нет в мире другой интеллигентии, помимо российской, которая бы так много и так долго страдала от отсутствия конституционно-правового обеспечения демократии. Речь идет, впрочем, не о царизме: этой самодержавной деспотической власти презирал закон, а когда они были, попирали права. Но, несомненно, исторический урок был преподан российской интеллигентии большевизмом. Революционная социосообразность обернулась узурпацией власти новоманитаристской дипломатии, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Однако вернемся к нашим сдвигшимся проблемам.

Прежде всего решим, чому мы будем отдавать предпочтение в демократии: власти народа, т. е. большинства, или необходимым для осуществления демократии конституционно-правовым нормам? Думай, что для российской интеллигентии здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Несколько серьезны и обоснованы эти страхи! Каков же в действительном смысле приближающегося референдума в рамках нашей единственной приватности демократии и постепенного утверждения интеллигентами земли, для которых интеллигенты здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Российская интеллигенция с тех пор, как она заявила о себе и стала представлять серию общественную силу, выделила себя, свою роль в общес-

тве вперед и надежду именно в этом вопросе. Мало того, по-жалуй, нет в мире другой интеллигентии, помимо российской, которая бы так много и так долго страдала от отсутствия конституционно-правового обеспечения демократии. Речь идет, впрочем, не о царизме: этой самодержавной деспотической власти презирал закон, а когда они были, попирали права. Но, несомненно, исторический урок был преподан российской интеллигентии большевизмом. Революционная социосообразность обернулась узурпацией власти новоманитаристской дипломатии, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Однако вернемся к нашим сдвигшимся проблемам.

Прежде всего решим, чому мы будем отдавать предпочтение в демократии: власти народа, т. е. большинства, или необходимым для осуществления демократии конституционно-правовым нормам? Думай, что для российской интеллигентии здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Несколько серьезны и обоснованы эти страхи! Каков же в действительном смысле приближающегося референдума в рамках нашей единственной приватности демократии и постепенного утверждения интеллигентами земли, для которых интеллигенты здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Российская интеллигенция с тех пор, как она заявила о себе и стала представлять серию общественную силу, выделила себя, свою роль в общес-

тве вперед и надежду именно в этом вопросе. Мало того, по-жалуй, нет в мире другой интеллигентии, помимо российской, которая бы так много и так долго страдала от отсутствия конституционно-правового обеспечения демократии. Речь идет, впрочем, не о царизме: этой самодержавной деспотической власти презирал закон, а когда они были, попирали права. Но, несомненно, исторический урок был преподан российской интеллигентии большевизмом. Революционная социосообразность обернулась узурпацией власти новоманитаристской дипломатии, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Однако вернемся к нашим сдвигшимся проблемам.

Прежде всего решим, чому мы будем отдавать предпочтение в демократии: власти народа, т. е. большинства, или необходимым для осуществления демократии конституционно-правовым нормам? Думай, что для российской интеллигентии здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Несколько серьезны и обоснованы эти страхи! Каков же в действительном смысле приближающегося референдума в рамках нашей единственной приватности демократии и постепенного утверждения интеллигентами земли, для которых интеллигенты здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Российская интеллигенция с тех пор, как она заявила о себе и стала представлять серию общественную силу, выделила себя, свою роль в общес-

тве вперед и надежду именно в этом вопросе. Мало того, по-жалуй, нет в мире другой интеллигентии, помимо российской, которая бы так много и так долго страдала от отсутствия конституционно-правового обеспечения демократии. Речь идет, впрочем, не о царизме: этой самодержавной деспотической власти презирал закон, а когда они были, попирали права. Но, несомненно, исторический урок был преподан российской интеллигентии большевизмом. Революционная социосообразность обернулась узурпацией власти новоманитаристской дипломатии, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Однако вернемся к нашим сдвигшимся проблемам.

Прежде всего решим, чому мы будем отдавать предпочтение в демократии: власти народа, т. е. большинства, или необходимым для осуществления демократии конституционно-правовым нормам? Думай, что для российской интеллигентии здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Несколько серьезны и обоснованы эти страхи! Каков же в действительном смысле приближающегося референдума в рамках нашей единственной приватности демократии и постепенного утверждения интеллигентами земли, для которых интеллигенты здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Российская интеллигенция с тех пор, как она заявила о себе и стала представлять серию общественную силу, выделила себя, свою роль в общес-

тве вперед и надежду именно в этом вопросе. Мало того, по-жалуй, нет в мире другой интеллигентии, помимо российской, которая бы так много и так долго страдала от отсутствия конституционно-правового обеспечения демократии. Речь идет, впрочем, не о царизме: этой самодержавной деспотической власти презирал закон, а когда они были, попирали права. Но, несомненно, исторический урок был преподан российской интеллигентии большевизмом. Революционная социосообразность обернулась узурпацией власти новоманитаристской дипломатии, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Однако вернемся к нашим сдвигшимся проблемам.

Прежде всего решим, чому мы будем отдавать предпочтение в демократии: власти народа, т. е. большинства, или необходимым для осуществления демократии конституционно-правовым нормам? Думай, что для российской интеллигентии здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Несколько серьезны и обоснованы эти страхи! Каков же в действительном смысле приближающегося референдума в рамках нашей единственной приватности демократии и постепенного утверждения интеллигентами земли, для которых интеллигенты здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Российская интеллигенция с тех пор, как она заявила о себе и стала представлять серию общественную силу, выделила себя, свою роль в общес-

тве вперед и надежду именно в этом вопросе. Мало того, по-жалуй, нет в мире другой интеллигентии, помимо российской, которая бы так много и так долго страдала от отсутствия конституционно-правового обеспечения демократии. Речь идет, впрочем, не о царизме: этой самодержавной деспотической власти презирал закон, а когда они были, попирали права. Но, несомненно, исторический урок был преподан российской интеллигентии большевизмом. Революционная социосообразность обернулась узурпацией власти новоманитаристской дипломатии, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Однако вернемся к нашим сдвигшимся проблемам.

Прежде всего решим, чому мы будем отдавать предпочтение в демократии: власти народа, т. е. большинства, или необходимым для осуществления демократии конституционно-правовым нормам? Думай, что для российской интеллигентии здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Несколько серьезны и обоснованы эти страхи! Каков же в действительном смысле приближающегося референдума в рамках нашей единственной приватности демократии и постепенного утверждения интеллигентами земли, для которых интеллигенты здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Российская интеллигенция с тех пор, как она заявила о себе и стала представлять серию общественную силу, выделила себя, свою роль в общес-

тве вперед и надежду именно в этом вопросе. Мало того, по-жалуй, нет в мире другой интеллигентии, помимо российской, которая бы так много и так долго страдала от отсутствия конституционно-правового обеспечения демократии. Речь идет, впрочем, не о царизме: этой самодержавной деспотической власти презирал закон, а когда они были, попирали права. Но, несомненно, исторический урок был преподан российской интеллигентии большевизмом. Революционная социосообразность обернулась узурпацией власти новоманитаристской дипломатии, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Однако вернемся к нашим сдвигшимся проблемам.

Прежде всего решим, чому мы будем отдавать предпочтение в демократии: власти народа, т. е. большинства, или необходимым для осуществления демократии конституционно-правовым нормам? Думай, что для российской интеллигентии здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

Несколько серьезны и обоснованы эти страхи! Каков же в действительном смысле приближающегося референдума в рамках нашей единственной приватности демократии и постепенного утверждения интеллигентами земли, для которых интеллигенты здесь нет незримой, аристократии, которая в сию моментом, причем как в смысле дипломатии, так и исторического опыта.

И ВДРУГ Я ПОДУМАЛ...

О том, что пересмешника не убить

Нынешние КВН-ники мало чем отличаются от тех, первых, «высокодостаточных». Они не в принципе смешны. Они делают в глаза такую празднушку, какая там и не сидела. Они очень профессионализированы. В актерском смысле. Из артизма отпочек в каждой команде найдется пяток, в то же время готовы артисты. Они гораздо лучше заслуживают Костюмы, декорации, музыкальное сопровождение — все это давно уже не напоминает нищенского «кубышного» ревизора. И, наконец, теперь в КВН — не только мальчики, которые играют, в тому же вовсе не роль интерьера. Тамо личности. Тамо артисты.

Хорошо это все или плохое? Что касается правды-матки, то это не заслуга нынешних мальчиков-девочек. Это — Брама, единственным, кажется, бесспорным достижением которого является та возможность говорить: «Думай, братец, шуми!». Актёры, музыканты и поэты-исполнители — тоже не Бог весть какая большая радость, если увидишь [а такое пародийничество случается] провластное диктантское начало.

Сравнительные размышления на эту тему можно были и продолжить. Но почему-то не хочется. И это оттого, что все различия меркнут перед главным и общим. В том-то и де-

ло, что наперекор радикально, сокрушительно изменявшемуся времени нынешние мальчики-девочки, играющие в КВН — точно такие же, как их предшественники. Двадцать лет спустя не поразил тот же мощный вирус, вызывающий неистребимое российское заболевание: «Чему смеется? — вотки в отчлены гоголевский Городничий. — Над собой смеется?». Вот он — вечный симптом, в скорее синдром национального недуга. Смеются наизнанку, не остерегаясь, играя с огнем, дразни гусей и белые солнцедельные птицы. Смеются — и все тут. Потом плачут будем. Но и над этим посмеиваются...

В один из язвенных вечеров в Москве играли ребята из команды КВН города Днепропетровска. Играли — в полном театральном смысле этого слова. С ними и не сочли бы, что защищали окончательно. Составили из своих скетчей, балет и рецензия целиком и — и московскому зрителю. В зале — старые КВНщики, из тех что успели укусить этой пьянице игр. Следующее поколение (меньше), замешанное на КВН-ных шалостях, не так и не успевшее пошутить публично, — разве что друг у друга не курили и не дружеских пршушил. И профсоюзник тих, кто на сцене. Им, счастливцам, не понять

нашей горькой радости от встречи с собственным нерасторжимым смехом. Ну, да радость была на всех одна. И это — главное.

Что же это за игры такие, в которых и смех до слез, и смех — сквозь слезы — всего здешний! Нет только слезного юмора! Нет только смеха!.. Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Хозяин Одессы, где один за другим закрываются пляжи и родные моря становятся все более недоступными. Еривань, в котором нет света, газа и остановился метр. Хозяин Одессы, где один за другим закрываются пляжи и родные моря становятся все более недоступными. Еривань и острые Москвы, улицы которой стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Три копейки — стать водой. С кипятком.

— Двадцать две копейки — мороженое. Ленинградское.

Пятьдесят шесть копеек — один доллар.

Два восемьдесят семь, три шестьдесят две, четыре двадцать — три бутылки водки. Сорок четыре рубля — белые деньги.

— Пять тысяч — автомобиль «Жигули».

— Пятьдесят тысяч — восемь лет в конфискации.

Миллион — нет такой цифры.

Двести двадцать миллио-

ной — наследство Союза Советских Социалистических Республик.

Для многих, сидевших в зале, эти цифры сопровождали солидный курс жизни. Но для большинства пребывавших не сцене они — лишь краткий миг, а затем — обрыв и путь, путь, путь... Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Еривань и острые Москвы, улицы которой стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Три копейки — стать водой. С кипятком.

— Двадцать две копейки — мороженое. Ленинградское.

Пятьдесят шесть копеек — один доллар.

Два восемьдесят семь, три шестьдесят две, четыре двадцать — три бутылки водки. Сорок четыре рубля — белые деньги.

— Пять тысяч — автомобиль «Жигули».

— Пятьдесят тысяч — восемь лет в конфискации.

Миллион — нет такой цифры.

Двести двадцать миллио-

ной — наследство Союза Советских Социалистических Республик.

Для многих, сидевших в зале, эти цифры сопровождали солидный курс жизни. Но для большинства пребывавших не сцене они — лишь краткий миг, а затем — обрыв и путь, путь, путь... Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Еривань и острые Москвы, улицы которой стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Три копейки — стать водой. С кипятком.

— Двадцать две копейки — мороженое. Ленинградское.

Пятьдесят шесть копеек — один доллар.

Два восемьдесят семь, три шестьдесят две, четыре двадцать — три бутылки водки. Сорок четыре рубля — белые деньги.

— Пять тысяч — автомобиль «Жигули».

— Пятьдесят тысяч — восемь лет в конфискации.

Миллион — нет такой цифры.

Двести двадцать миллио-

ной — наследство Союза Советских Социалистических Республик.

Для многих, сидевших в зале, эти цифры сопровождали солидный курс жизни. Но для большинства пребывавших не сцене они — лишь краткий миг, а затем — обрыв и путь, путь, путь... Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Еривань и острые Москвы, улицы которой стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Три копейки — стать водой. С кипятком.

— Двадцать две копейки — мороженое. Ленинградское.

Пятьдесят шесть копеек — один доллар.

Два восемьдесят семь, три шестьдесят две, четыре двадцать — три бутылки водки. Сорок четыре рубля — белые деньги.

— Пять тысяч — автомобиль «Жигули».

— Пятьдесят тысяч — восемь лет в конфискации.

Миллион — нет такой цифры.

Двести двадцать миллио-

ной — наследство Союза Советских Социалистических Республик.

Для многих, сидевших в зале, эти цифры сопровождали солидный курс жизни. Но для большинства пребывавших не сцене они — лишь краткий миг, а затем — обрыв и путь, путь, путь... Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Еривань и острые Москвы, улицы которых стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Три копейки — стать водой. С кипятком.

— Двадцать две копейки — мороженое. Ленинградское.

Пятьдесят шесть копеек — один доллар.

Два восемьдесят семь, три шестьдесят две, четыре двадцать — три бутылки водки. Сорок четыре рубля — белые деньги.

— Пять тысяч — автомобиль «Жигули».

— Пятьдесят тысяч — восемь лет в конфискации.

Миллион — нет такой цифры.

Двести двадцать миллио-

ной — наследство Союза Советских Социалистических Республик.

Для многих, сидевших в зале, эти цифры сопровождали солидный курс жизни. Но для большинства пребывавших не сцене они — лишь краткий миг, а затем — обрыв и путь, путь, путь... Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Еривань и острые Москвы, улицы которых стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Три копейки — стать водой. С кипятком.

— Двадцать две копейки — мороженое. Ленинградское.

Пятьдесят шесть копеек — один доллар.

Два восемьдесят семь, три шестьдесят две, четыре двадцать — три бутылки водки. Сорок четыре рубля — белые деньги.

— Пять тысяч — автомобиль «Жигули».

— Пятьдесят тысяч — восемь лет в конфискации.

Миллион — нет такой цифры.

Двести двадцать миллио-

ной — наследство Союза Советских Социалистических Республик.

Для многих, сидевших в зале, эти цифры сопровождали солидный курс жизни. Но для большинства пребывавших не сцене они — лишь краткий миг, а затем — обрыв и путь, путь, путь... Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Еривань и острые Москвы, улицы которых стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Три копейки — стать водой. С кипятком.

— Двадцать две копейки — мороженое. Ленинградское.

Пятьдесят шесть копеек — один доллар.

Два восемьдесят семь, три шестьдесят две, четыре двадцать — три бутылки водки. Сорок четыре рубля — белые деньги.

— Пять тысяч — автомобиль «Жигули».

— Пятьдесят тысяч — восемь лет в конфискации.

Миллион — нет такой цифры.

Двести двадцать миллио-

ной — наследство Союза Советских Социалистических Республик.

Для многих, сидевших в зале, эти цифры сопровождали солидный курс жизни. Но для большинства пребывавших не сцене они — лишь краткий миг, а затем — обрыв и путь, путь, путь... Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Еривань и острые Москвы, улицы которых стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Три копейки — стать водой. С кипятком.

— Двадцать две копейки — мороженое. Ленинградское.

Пятьдесят шесть копеек — один доллар.

Два восемьдесят семь, три шестьдесят две, четыре двадцать — три бутылки водки. Сорок четыре рубля — белые деньги.

— Пять тысяч — автомобиль «Жигули».

— Пятьдесят тысяч — восемь лет в конфискации.

Миллион — нет такой цифры.

Двести двадцать миллио-

ной — наследство Союза Советских Социалистических Республик.

Для многих, сидевших в зале, эти цифры сопровождали солидный курс жизни. Но для большинства пребывавших не сцене они — лишь краткий миг, а затем — обрыв и путь, путь, путь... Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Еривань и острые Москвы, улицы которых стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Три копейки — стать водой. С кипятком.

— Двадцать две копейки — мороженое. Ленинградское.

Пятьдесят шесть копеек — один доллар.

Два восемьдесят семь, три шестьдесят две, четыре двадцать — три бутылки водки. Сорок четыре рубля — белые деньги.

— Пять тысяч — автомобиль «Жигули».

— Пятьдесят тысяч — восемь лет в конфискации.

Миллион — нет такой цифры.

Двести двадцать миллио-

ной — наследство Союза Советских Социалистических Республик.

Для многих, сидевших в зале, эти цифры сопровождали солидный курс жизни. Но для большинства пребывавших не сцене они — лишь краткий миг, а затем — обрыв и путь, путь, путь... Но они помнят и смеются, будто нет акционерных обществ и киностудий, нормального менто золотых колбас. Еривань и острые Москвы, улицы которых стремительно превращаются в нечистую производственную лавочку с сомнительным товаром:

— Две копейки — позвонить любимицу девушке.

Андрей
Сергеев:

«Жизнь, изжившая жизнь из дна в день, — не жизнь ее. Она — спрятанье из жизни, ожидание жизни, она — ячко возобновления, но ячко наука жизни и несет ее вперед... Подлинная жизнь — жизнь, изжившаяся как произведение искусства. Подлинная жизнь — материала в сокровище искусств, эти слова философа, литератора, театрального критика Федора Степана часто звучали в ее время беседы с Андреем СЕРГЕЕВЫМ, заслуженным лубджином Нового драматического театра».

— Андрей, что значит «оживить себя художником или захотеть стать художником»?

— Это очень страшный вопрос. Я думаю, что это значит в определенном смысле умереть, то есть не найти согласия с твоим жизнью, которая тебя окружает, которую наблюдаешь. И пытаться обрести уверенность в какой-то другой жизни. Или, точнее, успокоение, согласие.

— Вы ведь еще очень молодой человек...

— Относительно. Бердской, как известно, умер в 25.

— А почему вы выбрали театр?

— Это то редкое место, где человека можно ощутить жизнь во всем ее простираемых и временных извилинах. Здесь человека представили максимальный щанс.

— Шанс — приумножить жизнь и жить ее!

— Да. Только не придумать. Это не точно. Я никогда ничего не придумывал.

— А что вы делаете?

— Я все время что-то, если верный глаза найти, очищаю, понимаю! Мне очень трудно это выразить словами, но для меня работа ассоциируется именно с процессом очищения, освобождения от неуместного.

— Если в основе лежит вымысел, то это похоже на ширпотребство. Скорее, предчувствие истины. Может быть, это звучит высоколично, я сам терпеть не могу высоколичностю, но работа всегда с теми, кто очищается.

— Вообще все, что в моей жизни происходит, все было судьбою. Я ничего сознательно не совершил и расчитывал не предпринимать.

— А ваша встреча с Борисом Яковлевичем Левенталем?

— Левенталь — это как раз судьба. Я люблю этого художника с самого отрочества. Для меня он был ком-то необыкновенным. Даже сама моя ягода зачаровала удивительно. Я жил в Свердловске, там в театре оперы и балета был осуществлен спектакль Большого театра «Анина Каренина» в его оформлении. Я ждал, что Левенталь предстанет, но он не приехал, и после спектакля я написал ему такое письмо Татьяне Онегину с адресом: Москва, Большой театр. И вот ответ.

Борис Яковлевич попросил меня выслать свою работу. Я выслал. Потом сложилось так, что я переехал в Москву, поступил на постановочный факультет Школы-студии МХАТа, часто бывал у него в мастерской. И не только его работы, но и вся его семья, дом привлекали во меня потрясающие впечатления. Его удивительная мама Елизавета Миронова,



Я ВЕРИЮ В СУДЬБУ

которая, к сожалению, уже нет в живых, до сих пор осталась для меня одна из самых близких людей.

Кстати, после этого спектакля, столь поразившего меня в юности и так трагически изменившего всю мою жизнь, я впервые узрел имя Бориса Александровича Лаврова-Анохина, который был автором либретто «Анины Каренины». Я тогда еще не знал, что он режиссер и работает в драматическом театре. Что-то в этом есть, да!

— Андрей, ваши последние по времени работы с Борисом Александровичем — спектакль «Опасные связи» по роману Лайля в Новом драматическом театре — были встречены труппой различными оценками и суждениями, словно в них изначально содержался благородный вымысел.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человеческим достоинством.

— С приходом в Новый театр вы изменили свою манеру, стиль по сравнению, скажем, со спектаклем, сделанным в Малом театре, «Холопы» или «Сказки Голливуда»?

— Да, это осознанно сделано. Мне ведь в соглашении условиях не можем себе позволить ни конструктивную драматизацию, ни живопись.

— Вызов — это слишком амбициозная позиция для меня. Я никогда и никому не делал никаких вызовов. Мне некому их делать. Наша «Опасные связи» в бытность романтической метафорой романа. Лайл, струйной лазоревой массой о гибели людей, отважившихся на опасную игру с божественным человечес

В КОНЦЕ НЕДЕЛИ

Эту рубрику
ведет
обозреватель
Геннадий
Герасимов



Пророк в своем отечестве

ЖИВЕТ в Принстоне безупречный джентльмен, и пишут о нем целые книги. В 1984 году, например, вышла книга Бартона Гельмана «Соглашавшись с Кеннаном: и созданию философии американской силы», а в 1984 году работа У. Гиксона «Джордж Кеннан, апостол холодной войны». И у нас о нем неодно писали, прежде всего как об авторе «доктрины сдерживания» и главном идеологе «холодной войны».

Началось все с его статьи, подписанной псевдонимом «Нис» («Н»), в американском ежеквартальнике «Форин Аффэрс» за июль 1947 года. Называлась она «Источники советского поведения». И с тех пор не перестают на нее ссылки.

Перечитаем сейчас его прогноз, сделанный 46 лет назад. «Мистер Инс» рекомендовал тогда США и Западу политику «сдерживания». Советский Союз тем, чтобы «способствовать тем тенденциям, которые в конечном счете должны найти себе выход или в распаде или в постепенном размножении советской власти».

Нет пророка в своем отечестве. Американская социология не принимала такого прогноза. Тот же Гиксон называл его в упомянутой книге «результатом фантастического полета мысли, а не рациональных размышлений».

Между тем сбылось и то, и другое — сначала размножение, а потом распад советской власти, если не придраться и самому слову «советская», а оценить произошедшие перемены по существу.

В годы «холодной войны» Кеннан постоянно выступал с предупреждениями об опасности ее превращения в горячую, против перехода политики «сдерживания» в политику «свободоизменения» или «отbrasывания», например, в книге «Туча, несущая опасность», определенное время автором в «Правде». Рецензия запомнилась, поскольку по лице корректору прошла печатка в фамилии «Бреннер», и значительная часть тиража пошла под нож, что нанесло газете большой финансовый ущерб.

КЕННАН выступил с новой, подытоживающей книгой «Вокруг обрывистого холма: личная политическая философия». Среди множества интересных мыслей и наблюдений можно выделить благодарность автора... Правдиво, который поставил перед Америкой этот советский вызов и тем самым заставил нацию «подняться» и взглянуть на себя ответственно за моральное и политическое руководство в мире. Без «советской угрозы» не было бы сегодняшней сплоченной Америки.

В то же время Кеннан видит вечное противоречие между примитивной природой внутренних пружин поведения людей и более высоких требований цивилизованной жизни. Это противоречие подрывает поэту лучше намерения и особенно наглядно проявляется в коридорах власти. Правители вроде бы желают народу добра, а на деле приносят часто зло. Поэтому им лучше стараться сдерживать незначительные порты людей, чем поощрять благородные.

И здесь Кеннан продолжает критику американского образа жизни, которой он занимается много лет и которой неплохо бы прислушаться тем, кто не раздумывает берет разнение на Америку.

В числе перечисленных им изъянов: преступность; наркомания; гетто в городах; упадок образования; загрязнение окружающей среды; цинизм и бездуховность молодежи. Эти черты американского общества, пишет Кеннан, «привели многих наблюдателей к выводу (и, я думаю, не без оснований), что наши общество — болезненное».

Кеннан выступает критиком некоторых американских «достижений», по которым мы собираемся Америку — в который раз — дотошно: неограниченное предпринимательство; неограниченная технология; культ потребительства и роста.

Ставя, как он пишет, «ленинский» вопрос «Что делать?», Кеннан предлагает проводить теперь политику «самосодержания». Нельзя отдавать «исключительно системе свободного предпринимательства» культуру, образование, энергетику, транспорт и развитие современных технологий. Поскольку руководители страны временного (от выборов до выборов), а стоящие перед ней проблемы носят долгосрочный характер, необходим какой-то постоянный государственный совет из числа мужей, стоящих «под схваткой», незадимистых мудрецов, «голос которых перекрывал бы какофонию политических амбиций».

Но где она, аристократия духа? Даже американский пророк умолкает перед этим вопросом.

Музикальное шоу «УФА Ревю», прошедшее в берлинском «Театре дес Вестен» вызвало на Западе весьма неоднозначные отклики критиков, пишет лондонская «Юроплан». Никто не спорит, авторитет германской химстудии «УФА», созданной в 1917 году и давней миру творческих кинополотен, как «Метрополис» Фрица Ланга или «голубой ангел» Йозефа фон Штернберга. Были времена, когда эта химстудия даже претендовала на звание европейского Голливуда. Но позже «фабрика кино» стала амплуа гебельевской пропагандистской машиной, производившей, правда, не только «политагитки», но и безобидные на первый взгляд развлекательные поделки.

И вот на сцене берлинского театра — изысканное шоу, мюзикл, включающее не без актуальных хореографические номера, костюмированные песни и танцы. С чего бы это? Нацисты, организаторы шоу не следят с ходу «шиты» криминал. Но некоторые критики замечают, что во времена, когда в Германии поднимают голову иностранные «Ревю» зучит как постыдная по преноменулю.

Сцена из спектакля.

Фото из газеты «Юроплан».

Изабель
Фокина:

КАК НАДО ГРЕТЬСЯ НА РУССКОМ МОРОЗЕ



Изабель Фокина, выпускница гениального русского хореографа Михаила Фокина, единственную пока что известную владелицу архива, содержащего творческое и духовное наследие ее великого деда, — можно без колебаний отнести к тем людям, которым от предков передается в гене главное качество: щедрость души. Составившаяся недавно премьера фокинского балета «Петрушка», «Шахерезада» и «Жар-птица» в Маринском и Большом театрах [о чём наша газета уже писала] и представившийся им подготовительный верноль, когда специально приглашавшие из США Изабель вспоминались не меньше, чем другие участники и организаторы проекта, доказали: у Фокина — уникальные наследники.

Думается, читателям было бы небезинтересно узнать, какими мыслями и чувствами поделилась с нашим корреспондентом Изабель ФОКИНА в своем интервью во время премьеры в Маринском театре.

— Говорят, что во время репетиций вы помогали не только советы, но и сами показывали артистам движения, да. Вы профессиональная танцовщица?

— Насколько мне известно, воссозданные нами фокинские балеты ставились на различных сценах мира и ранее.

В чем уникальность наименований?

— Изабель Фокина, выпускница гениального русского хореографа Михаила Фокина, единственную пока что известную владелицу архива, содержащего творческое и духовное наследие ее великого деда, — можно без колебаний отнести к тем людям, которым от предков передается в гене главное качество: щедрость души. Составившаяся недавно премьера фокинского балета «Петрушка», «Шахерезада» и «Жар-птица» [о чём наша газета уже писала] и представившийся им подготовительный верноль, когда специально приглашавшие из США Изабель вспоминались не меньше, чем другие участники и организаторы проекта, доказали: у Фокина — уникальные наследники.

— Не было бы раздражением для великой деды, если бы я сказала что-нибудь несогласившееся со своим замыслом, которое идет от него?

— В ее подлинности. Вместе с организаторами проекта и прежде всего с главным администратором этой идеи с вашей стороны, замечательным артистом Андрисом Линей

и ее супругом, я не могу сказать, что в этом отношении был досадован.

— Он говорит, что если артист талантлив, неважно, когда он почувствует подлинную прелесть образа — может быть, даже у нее не спектакль, а не

репетиция. Но точно выполненная заученная движение, танцовщики будут начинать смеяться. Это

процесс и переработали массу архивных материалов, просмотрели большое количество кинофильмов, видеокассет, фотографий, на которых были отсняты фрагменты и сцены подлинных постановок моего деда. И многие из этих материалов не публиковались никогда, поэтому все поставленное done на той или иной сцене было приближено.

— Многие прочитали в интернете мнение Андриса Чигитаса о времени генеральной революции.

— Мы обсудили тему в один из дней «Петрушки» — во время масштабных гастролей. Чигитас доказывал мне, что русский народ не склонен к монотонии.

— Я, в частности, видела много Петрушек. Но образ, созданный Линей, особенно трогательен. А ведь Андрис приходился в чем-то перекликаться эстрадисту у Башкана Никитинского, впервые танцевавшему эту партию в Париже во время знаменитых французских сезонов. Андрис с чистотой следил по стопам своего предшественника.

— Не было бы раздражением для великой деды, если бы я сказала что-нибудь несогласившееся со своим замыслом, которое идет от него?

— В ее подлинности. Вместе с организаторами проекта и прежде всего с главным администратором этой идеи с вашей стороны, замечательным артистом Андрисом Линей и ее супругом, я не могу сказать, что в этом отношении был досадован.

— Он говорит, что если артист талантлив, неважно, когда он почувствует подлинную прелесть образа — может быть, даже у нее не спектакль, а не

репетиция. Но точно выполненная заученная движение, танцовщики будут начинать смеяться. Это

процесс и переработали массу архивных материалов, просмотрели большое количество кинофильмов, видеокассет, фотографий, на которых были отсняты фрагменты и сцены подлинных постановок моего деда. И многие из этих материалов не публиковались никогда, поэтому все поставленное done на той или иной сцене было приближено.

— Многие прочитали в интернете мнение Андриса Чигитаса о времени генеральной революции.

— Мы обсудили тему в один из дней «Петрушки» — во время масштабных гастролей. Чигитас доказывал мне, что русский народ не склонен к монотонии.

— Я, в частности, видела много Петрушек. Но образ, созданный Линей, особенно трогательен.

— Мы обсудили тему в один из дней «Петрушки» — во время масштабных гастролей. Чигитас доказывал мне, что русский народ не склонен к монотонии.

— Я, в частности, видела много Петрушек. Но образ, созданный Линей, особенно трогательен.

— Не было бы раздражением для великой деды, если бы я сказала что-нибудь несогласившееся со своим замыслом, которое идет от него?

— В ее подлинности. Вместе с организаторами проекта и прежде всего с главным администратором этой идеи с вашей стороны, замечательным артистом Андрисом Линей и ее супругом, я не могу сказать, что в этом отношении был досадован.

— Он говорит, что если артист талантлив, неважно, когда он почувствует подлинную прелесть образа — может быть, даже у нее не спектакль, а не

репетиция. Но точно выполненная заученная движение, танцовщики будут начинать смеяться. Это

процесс и переработали массу архивных материалов, просмотрели большое количество кинофильмов, видеокассет, фотографий, на которых были отсняты фрагменты и сцены подлинных постановок моего деда. И многие из этих материалов не публиковались никогда, поэтому все поставленное done на той или иной сцене было приближено.

— Многие прочитали в интернете мнение Андриса Чигитаса о времени генеральной революции.

— Мы обсудили тему в один из дней «Петрушки» — во время масштабных гастролей. Чигитас доказывал мне, что русский народ не склонен к монотонии.

— Я, в частности, видела много Петрушек. Но образ, созданный Линей, особенно трогательен.

— Не было бы раздражением для великой деды, если бы я сказала что-нибудь несогласившееся со своим замыслом, которое идет от него?

— В ее подлинности. Вместе с организаторами проекта и прежде всего с главным администратором этой идеи с вашей стороны, замечательным артистом Андрисом Линей и ее супругом, я не могу сказать, что в этом отношении был досадован.

— Он говорит, что если артист талантлив, неважно, когда он почувствует подлинную прелесть образа — может быть, даже у нее не спектакль, а не

репетиция. Но точно выполненная заученная движение, танцовщики будут начинать смеяться. Это

процесс и переработали массу архивных материалов, просмотрели большое количество кинофильмов, видеокассет, фотографий, на которых были отсняты фрагменты и сцены подлинных постановок моего деда. И многие из этих материалов не публиковались никогда, поэтому все поставленное done на той или иной сцене было приближено.

— Многие прочитали в интернете мнение Андриса Чигитаса о времени генеральной революции.

— Мы обсудили тему в один из дней «Петрушки» — во время масштабных гастролей. Чигитас доказывал мне, что русский народ не склонен к монотонии.

— Я, в частности, видела много Петрушек. Но образ, созданный Линей, особенно трогательен.

— Не было бы раздражением для великой деды, если бы я сказала что-нибудь несогласившееся со своим замыслом, которое идет от него?

— В ее подлинности. Вместе с организаторами проекта и прежде всего с главным администратором этой идеи с вашей стороны, замечательным артистом Андрисом Линей и ее супругом, я не могу сказать, что в этом отношении был досадован.

— Он говорит, что если артист талантлив, неважно, когда он почувствует подлинную прелесть образа — может быть, даже у нее не спектакль, а не

репетиция. Но точно выполненная заученная движение, танцовщики будут начинать смеяться. Это

процесс и переработали массу архивных материалов, просмотрели большое количество кинофильмов, видеокассет, фотографий, на которых были отсняты фрагменты и сцены подлинных постановок моего деда. И многие из этих материалов не публиковались никогда, поэтому все поставленное done на той или иной сцене было приближено.

— Многие прочитали в интернете мнение Андриса Чигитаса о времени генеральной революции.

— Мы обсудили тему в один из дней «Петрушки» — во время масштабных гастролей. Чигитас доказывал мне, что русский народ не склонен к монотонии.

— Я, в частности, видела много Петрушек. Но образ, созданный Линей, особенно трогательен.

— Не было бы раздражением для великой деды, если бы я сказала что-нибудь несогласившееся со своим замыслом, которое идет от него?

— В ее подлинности. Вместе с организаторами проекта и прежде всего с главным администратором этой идеи с вашей стороны, замечательным артистом Андрисом Линей и ее супругом, я не могу сказать, что в этом отношении был досадован.

— Он говорит, что если артист талантлив, неважно, когда он почувствует подлинную прелесть образа — может быть, даже у нее не спектакль, а не

репетиция. Но точно выполненная заученная движение, танцовщики будут начинать смеяться. Это

процесс и переработали массу архивных материалов, просмотрели большое количество кинофильмов, видеокассет, фотографий, на которых были отсняты фрагменты и сцены подлинных постановок моего деда. И многие из этих материалов не публиковались никогда, поэтому все поставленное done на той или иной сцене было приближено.

— Многие прочитали в интернете мнение Андриса Чигитаса о времени генеральной революции.

— Мы обсудили тему в один из дней «Петрушки»

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

«БОЛЬШОЙ БАЛЕТ»: ЗРИТЕЛИ—ЗА, КРИТИКИ—ПРОТИВ

Зал лондонского королевского Альберт-холла, вмещающий 3.500 «человек», в эти дни, к сожалению, заполнен до отказа. Школьные классы, овации, восторг, восторг «Браво!». Так английские зрители выражают свой восторг пропагандистам, здесь гастроли балетной труппы Государственного академического Большого театра России. «Собственно в балете называют британские поклонники этого вида искусства, выступления российских артистов, восхищенные память гениального русского композитора П. И. Чайковского, столетие со дня смерти которого исполнится в этом году».

Интерес публики к гастролям, которые заканчиваются 14 февраля, огромен. Еще в подступах к Альберт-холлу, за которым был демонтирован подиум, поднялся вопрос: «Нет ли лишнего билета?» При этом зрители готовы платить дороже, чем билеты стоят в кассе. А стоят они не мало — до 100 фунтов стерлингов. На одном из первых представлений побывали члены королевской семьи — принцесса Анна со своим новым супругом Тимом Лоуренсом.

В составе труппы, которую возглавляет главный балетмейстер Большого театра Юрий Григорович, более 160 артистов, в том числе такие известные мастера, как Алла Михальченко, Надежда Грачева, Нина Семёнова, Галина Степаненко, Юрий Ващенко, Александр и Юрий Ветровы, Гедиминас Тарандас. Оркестр Би-биси дирижирует Александр Кончалов и Альянс Юнрайт. Исполняются фрагменты из балетов «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик». Чайковский, «Ромео и Джульетта», «Иван Грозный» и «Каменный цветок». Прокофьев, «Золотой век» Д. Шостаковича, «Спартак» А. Хачатуряна.

Успех гастролей российских мастеров балета у публики велик. Альберт-холл, где проходит спектакль, был заполнен до отказа.

Н. ПАХОМОВ.
(Корр. ИТАР — ТАСС —
специально для «Культуры»).

ЛОНДОН.

ЛЕНИН И СТАЛИН

НА РИМСКИХ ХОЛМАХ

Художественная выставка «Советское искусство социалистического реализма» открылась в итальянской столице в галерее «Восточная изразцовая». Как отметил критик итальянского телевидения в передаче о выставке, не выставка не мало ценных в художественном отношении картин, многие работы имеют и большое документальное значение. Чувствуются сильные традиции русского искусства прошлого века, в частности, творчества передвижников.

Сорок живописных полотен возвращают нас в не столь далекую эпоху официального оптимизма. На стенах римского особняка залы галерен, особенно эффектно смотрятся монументальные полотна заслуженных мастеров социализма: Александра Бурака «Ленин и Горький на Капри», Николая

Христолюбова «Ленин и Сталин в Ставке», Владимира Залкири «Сталин принимает парад в Первом конище», Николая Даниловского «Освобождение Пратиги», Григория Томенко «Кирзовстройщиков», Николая Сысоева «Хрущев с космонавтами», Александра Герасимова «Сталин и Бородиновы на Кремлевском золотом». Эта картина является первым вариантом знаменитого полотна, выставленного в Третьяковской галерее.

Есть здесь и картины зарисовки сцен народной жизни, как, например, «Колхозные участницы» Константина Фролова или «Сбор урожая» Марии Радиной.

Все работы, которые демонстрируются на выставке, получены устроителями из московских частных коллекций.

Р.ИМ.

(ИТАР — ТАСС)

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

ИТАР — ТАСС

специально для «Культуры».

ЛОНДОН.

М. ДОРОЖКИН.

Фото из газеты «Ленты».

